

Неудивительно, что Ашина Сыюнь пришла в такую ярость, ведь слова Лу Яньси: «Все ли иностранцы так невежливы?» действительно задели её до глубины души. Хотя тюрки и не отличаются строгостью в мелочах, их правила поведения крайне суровы. Сначала Ашина Сыюнь думала, что если Лу Яньси не сможет привести убедительных доводов, то она, невзирая на его влияние, обязательно заставит его поплатиться за свои слова!

Кто бы мог подумать, что она услышит такие слова от Лу Яньси? Несколько дней назад, когда Моуци Люй, нарушив этикет, стал расспрашивать Ань Цзинсина о Лу Яньси, Ань Цзинсин уже ясно дал понять, что это неприемлемо. А сегодня снова появился Муадо. Если бы она была на месте Лу Яньси, то, вероятно, тоже бы задумалась, не все ли иностранные посланники такие. В этот момент вся её ярость обрушилась на Муадо.

— Этот принц... — Даже Муадо оказался в замешательстве. Тысячи обвинительных взглядов — вот что он ощущал. Видя скрытые взгляды чиновников Сиюаня, встречая разгневанный взгляд Ашина Сыюнь и, наконец, замечая улыбку драгоценной наложницы Сиюаня, он наконец заговорил:

— Это моя оплошность. Однако драгоценная наложница намекала мне о желании заключить брак ради мира. Я подумал, что принцесса уже достигла брачного возраста, но кто бы мог подумать... Я приношу свои извинения наследному принцу и его супруге. — Слова Муадо были весьма искусно подобраны, словно он свалил всю вину на других. Такие уклончивые фразы только подогревали любопытство.

Действительно, услышав это объяснение, лица чиновников Сиюаня стали выражать неоднозначные эмоции. То, что драгоценная наложница не любит принцессу, а император не любит наследного принца, было известно всем в Сиюане. А лучший способ избавиться от нелюбимой дочери — это, конечно же, выдать её замуж в далёкие земли.

Однако статус принцессы не позволяет выдать её замуж за человека низкого положения. Худший вариант — это брак ради мира. Учитывая характер драгоценной наложницы, она вряд ли упустила бы такую возможность. Чиновники Сиюаня всё больше склонялись к мысли, что Муадо не лгал, и их подозрительные взгляды на него поутихли. Однако никто не осмеливался взглянуть на Цзи Юи, ведь она была самой любимой наложницей императора. Но один человек всё же не удержался:

— Драгоценная наложница, не могли бы вы прояснить этот вопрос? — Лу Яньси повернулся и, подняв голову, уставился на Цзи Юи, его тон был почти агрессивным.

«Хочешь брак ради мира? Сегодня я исполню твоё желание, и ты больше никогда не посмеешь строить козни против Цзинцзин!»

Цзи Юи не ожидала, что огонь обрушится на неё, и оказалась в затруднительном положении. Отрицать — значит огорчить Муадо, ведь она действительно предлагала заключить союз через брак. Но признать — значит дать Лу Яньси повод для дальнейших действий.

Быстро взвесив все за и против, Цзи Юи наконец заговорила, её тон был вежливым и сдержанным:

— Возможно, второй принц неправильно понял мои слова. Император действительно хотел бы укрепить союз с Хунну, но кандидатом точно не будет Цзинцзин, ведь она ещё...

— Драгоценная наложница, будьте осторожны в своих словах! — Лу Яньси сжал кулаки, услышав её слова. Эта женщина осмелилась строить козни у него на глазах, пытаюсь

упомянуть возраст Цзинцзин!

Лу Яньси, разгневанный до предела, усмехнулся:

— Да, Цзинцзин ещё молода, но я помню, что несколько девушек из клана Цзи уже почти достигли совершеннолетия. По-моему, это отличный выбор.

Говоря это, он многозначительно взглянул в сторону нынешнего главного министра внутреннего кабинета, Цзи Минхуэя.

— Как ты смеешь! — Услышав это, Цзи Юи забыла о приличиях, вскочила со стула и уставилась на Лу Яньси, её глаза были полны ярости.

Из двух незамужних дочерей клана Цзи одна была её родной сестрой, поздним ребёнком Цзи Минхуэя, которого вся семья обожала и исполняла все её желания. Цзи Юи также очень любила эту сестру, считая её компенсацией за отсутствие собственной дочери. Другая была старшей дочерью её брата, которую также баловали. Теперь Лу Яньси предлагал выдать одну из них замуж в Хунну ради мира.

Не говоря уже о том, что в Хунну царит холод и суровый климат, даже если бы условия были лучше, учитывая нынешнего шаньюя Хунну, Цзи Юи ни за что не позволила бы дочерям клана Цзи страдать. При этой мысли её гнев только усилился.

— Как я могу не сметь? Раз вы осмелились строить планы насчёт Цзинцзин, я осмелюсь на всё!
— Какое там благоразумие, какая там приличия? Лу Яньси выбросил всё это из головы. Он отлично знал, что представляет собой нынешний шаньюй Хунну.

За исключением главной жены, все наложницы в Хунну сменялись одна за другой, и ни одна не прожила во дворце более трёх лет. Это место было настоящей ловушкой. Лу Яньси, будучи из современного мира, видел множество извращенцев, и в интернете постоянно появлялись истории о странных сексуальных предпочтениях. Если Цзи Юи осмелилась, то почему он не может?

Цзи Юи создала кошмар для Цзинцзин в прошлой жизни, и теперь Лу Яньси заставит её пожалеть о своих кознях каждый раз, когда она о них вспомнит!

— Супруга наследного принца, не клеветайте! Когда я вообще упоминала Цзинцзин? — Цзи Юи теперь категорически отрицала всё. Если бы она признала, Лу Яньси обязательно нацелился бы на двух дочерей её семьи. Ведь они были настоящими драгоценностями, и если бы их отправили в Хунну, они бы точно не выжили.

Лу Яньси и раньше позволял себе вольности, но никогда не был настолько дерзким. Цзи Юи понимала, что на этот раз она затронула его самые сокровенные чувства, и даже она не могла действовать опрометчиво, ведь все понимали, что она неправа.

— Тогда, драгоценная наложница, вы хотите сказать, что второй принц сам заинтересовался принцессой? — Даже если Муадо действительно не знал возраста Цзинцзин, в Сиюане это было известно. Если бы Цзи Юи не дала каких-то обещаний, кто бы обратил внимание на тринадцатилетнюю девочку?

Этот вопрос поставил Цзи Юи на край пропасти. Она не могла ни подтвердить, ни отрицать. Если бы Муадо не было рядом, она могла бы говорить что угодно, и Лу Яньси не смог бы проверить. Но Муадо был здесь, и если бы она сказала что-то, не соответствующее

действительности, он мог бы возразить.

— Я... — Действительно, Цзи Юи произнесла только два слова, прежде чем замолчала, и её выражение лица постепенно становилось всё мрачнее.

В этот момент Цзи Юи ещё больше осознала, насколько опасен Лу Яньси. Если бы это был кто-то другой, в такой ситуации он бы обязательно сдержался, но Лу Яньси напрямую ударил по её репутации. Однако теперь не только Цзи Юи изменила своё мнение о Лу Яньси, но и другие министры Сиюаня.

Лу Шуи, стоявшая за Цзи Юи, чувствовала её отчаяние и, видя, как Лу Яньси сияет от уверенности, невольно почувствовала облегчение. Хорошо, что она не была тем, кто противостоял Лу Яньси.

Ань Цзинсин, видя выражение лица Цзи Юи, всё понял. Его улыбка исчезла, и его обычно мягкое выражение стало строгим. Он сжал губы и серьёзно посмотрел на Цзи Юи. Он всегда знал, что отец и драгоценная наложница не принимают его, но Цзи Юи ведь растила Цзинцзин. Почему она была так безжалостна к ней?

Видя, что Цзи Юи не может сказать ни слова, Ань Жуи тоже почувствовал головную боль. Но ведь это он дал ей указания, и если он позволит Лу Яньси продолжать, то окончательно рассорится с посланниками Хунну. При этой мысли он наконец заговорил:

— Это драгоценная наложница не объяснила всё правильно. Супруга наследного принца, не преувеличивайте. Цзинцзин ещё молода, и брак ради мира не будет рассматриваться для неё. — Хотя в сердце Ань Жуя Цзинцзин была самой подходящей кандидатурой. Шаньюй Хунну любил детей, и это было открытым секретом. Если можно было обменять нелюбимую дочь на выгодные условия, почему бы и нет?

У автора есть что сказать:

Лу Яньцзэ: Что тебе вообще нравится в этом белобрысом?

Лу Яньси: Цзинсин послушный~

Лу Яньцзэ: Например?

Лу Яньси: Темп задаю я, а количеством раз команду я!

<http://bllate.org/book/16474/1496489>